

УДК 398

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК

А. М. Аджиев

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

Данная статья посвящена анализу аспектов общей, макрорегиональной, региональной и микрорегиональной общностей и национальной специфики, проявляемых в поговорках, а также использования методов идейно-тематического и логико-семиотического исследования.

The article analyzes aspects of the general, macro-regional, regional, and micro-regional communities and national specificities reflected in proverbs and sayings. It also studies the methods of ideological-thematic and logical-semiotic research.

Ключевые слова: пословицы; поговорки; типология; связи; специфика; Дагестан; регионы.

Keywords: proverbs; sayings; typology; connections; specificity; Daghestan, regions.

Как известно, пословицы и поговорки являются наиболее типологичными, интернациональными произведениями. Причины этого явления достаточно выяснены. Прежде всего, оно обусловлено законами типологии, т.е. прохождением разных этносов через однотипные социально-экономические уклады и историко-культурные условия, одинаковым или близким укладом жизни, сходством трудовых процессов и трудового опыта народов, общностью логического мышления и психологических актов людей. Все это, однако, не означает игнорирование генетической и, в особенности, контактной общности. Даже беглый просмотр сборников пословиц и поговорок разных народов мира показывает, что типологические, контактные и генетические общности и сближения не однозначны, не однотипны. Здесь следует разграничить ряд уровней, типов общностей.

I. Общетипологическая общность, т.е. такая близость в пословицах и поговорках различных народов мира, которая обусловлена общечеловеческими явлениями (общечеловеческим трудовым опытом, моральными нормами, логикой, психологией и т.п.), которые порождают одинаковые или сходные произведения у народов, даже далеко отстоящих друг от друга и никогда практически не контактировавших. Например, следующие инациональные пословицы, вариативно встречающиеся и у народов Дагестана: «Как двуручная пила: ходит то к одному, то к другому» (индонезийская); «Перо сильнее меча» (японская); «Посади на плечи – захочет на голову» (индонезийская); «Добрый конь познается в пути» (китайская); «Еж считает шкуру своих детей мягкой» (корейская); «Среди пяти пальцев есть и длинные, есть и короткие» (вьетнамская) и т.д.

II. Общность, которую мы условно называем **макрорегиональной**. Несмотря на то, что ряд фольклорных явлений носит всеобщий характер, есть географически довольно обширные этнокультурные общности, отличающиеся некоторым внутренним единством, делающим относительно близкими в них и фольклорные явления. К таким фольклорным макрорегионам можно отнести Среднюю Азию и Казахстан, Сибирь, Кавказ и т.д.

III. Региональная общность. (Северный Кавказ, Закавказье и др.)

IV. Микрорегиональная общность. (Дагестан, адыгские народы, тюрки Северного Кавказа и т.д.).

Это наше подразделение на типы во многом носит условный характер, оно намечает основные, наиболее общие параметры и грани. Конкретный анализ показывает, что границы между отмеченными типами общностей часто размыты, нечетки и подвижны. Это в особенности касается тех народов, которые испытывали частое и большое влияние иноэтнических культур. Так, например, у кумыков наряду с общностью в афористических жанрах с соседними кавказскими народами наблюдается выраженная общность и с казахами, уйгурами, киргизами и др., что объясняется влиянием на этнокультурную историю кумыков тюркоязычных народов из других регионов начиная с древнейших времен.

Не трудно заметить, что последний из выделенных нами четырех типов общностей – наиболее тесный, многоохватный. Степень этой общности по мере передвижения к первому типу, как правило, идет в направлении уменьшения.

Изложенное выше ставит перед исследователем фольклора того или иного народа, а в данном случае – афористики Дагестана, интересную и важную задачу: проследить конкретную картину проявления этих общностей и специфики как во всем фольклорном фонде того или иного народа, так и в отдельных жанрах.

Первая часть этой задачи, разумеется, очень сложная и непосильная для одного исследователя. Вторая часть – исследование особенностей проявления типов общностей в отдельно взятом жанре – относительно менее трудная и, на наш взгляд, особенно ярко, результативно может быть разрешена на материале пословиц и поговорок в силу их следующих особенностей: а) миниатюрности; б) своеобразного сочетания в себе интернационального и национального; в) облегченностью заимствования, творческой переработки.

При исследовании конкретно дагестанского материала важно поставить перед собою задачу ответить на следующие довольно сложные вопросы:

1) Как соотносятся общности в пословицах и поговорках между народами Дагестана в целом? Это же – между отдельными народами Дагестана конкретно? Какую картину дают этногенетическое и языковое родство, соседство, этнические миграции и пр.? Какие закономерности можно выявить из всего этого и как все это объяснить исторически и филологически?

2) Как все сказанное выше проявляется в третьем и четвертом типах общностей?

Выявление отмеченных типов и степени конкретного их проявления в афористике – не самоцель, оно может привести к интересным историко-филологическим выводам, но осуществление его, разумеется, сопряжено с большими трудностями: многочисленность текстов и их миниатюрность, осложняющие учет и анализ; вариативность; употребление их в переносном смысле и мн. др.

Разложить все «по полочкам» не удастся, но при применении продуманной системы исследования, методики, методологии, при учете специфики, на наш взгляд, можно будет выявить важные закономерности.

Здесь, очевидно, не обойтись и без использования метода количественных подсчетов, хотя в последнее время к целесообразности этого метода наблюдается и скептическое отношение.

Своеобразие и общность, несомненно, будут выражаться не только в таких легко уловимых «показателях», как тематика, отражение географических, природно-

климатических особенностей края и пр., но и в более показательных и значимых особенностях, таких как поэтика паремий, тип их структурной организации, соотношение с другими языковыми, синтаксическими единицами (с фразеологизмами, сращениями и др.), с другими жанрами (с притчами, анекдотами) и мн. др.

Пословицы, поговорки и загадки традиционно исследуют по идейно-тематическому принципу с разбивкой их на группы. Этот метод, несмотря на свою простоту, оправдан, т.к. помогает охарактеризовать важные стороны афористических жанров: их тематическое многообразие, связь с трудовым опытом человека, народность, классовую социальную сущность, гуманность и мн. др. В этом плане и дагестанская афористика исследована неплохо (работы А.Ф. Назаревича, М.М. Гасанова и др.).

Однако на современном этапе развития фольклористики ощущается, что идейно-тематический анализ является как бы подступом к собственно научному осмыслению жанров, их сущности, эволюции... Кроме того, опыт исследования паремий показывает, что описательный метод анализа уже в известной мере исчерпал свои возможности. Выводы, сделанные по паремиям одного народа, оказываются в целом приложимыми и к материалу другого народа. Это, конечно, тоже важно для выявления идейно-тематической типологии и пр., но существенно нового оно дать вряд ли может.

«Следует признать, – пишет Г.Л. Пермяков, – что традиционный описательный метод в паремиологии исчерпал свои возможности. Во всяком случае, он не в состоянии ответить на такие вопросы: что такое пословица, что такое загадка, что следует понимать под пословичным типом (*разрядка авт. – А.А.*), почему в международном, национальном, региональном и личном пословичном фонде мирно сосуществуют изречения, прямо противоположные по своему смыслу, и многие другие» [1].

В последнее время значительное внимание уделяется структурной классификации и изучению паремий. В советской фольклористике активно работал в этом направлении Г.Л. Пермяков ([2–6] и др.).

Г.Л. Пермяков считает, что пословицы и поговорки – «не что иное, как знаки определенных ситуаций или определенных отношений между вещами» [7]. Содержание любой паремии он рассматривает в двух аспектах: предметно-тематическом и логико-семиотическом. Предметный аспект подразделяет паремии по семантическим противопоставлениям: умный – глупый, много – мало, свое – чужое и т.д. Логический аспект содержит наиболее абстрактные формулы типа: «если **p**, то **d**», «если **p** обладает свойством **x**, то и **d** обладает свойством **x**» и др.

Г.Л. Пермяков уделяет большое внимание и лингвистическому рассмотрению паремий, где выделяются фразовые и сверхфразовые единицы, замкнутые и незамкнутые паремии мн. др.

Структурный анализ паремий дается и в работах ряда других авторов (см., например, статьи «Паремиологического сборника», составленного Г. Пермяковым [8]).

Однако следует отметить, что этот принцип исследования имеет и своих противников. Среди наиболее критически настроенных против логико-семиотической классификации паремий фольклористов следует отметить В.П. Аникина. Он считает, «что увлечение Пермякова решением классификационной проблемы оказалось столь сильным, что «теория жанра» сама стала производной от классификации» [9, с. 264]. Далее В.П. Аникин выступает в принципе против классификации пословиц и поговорок на основе рассмотрения формы передачи логического содержания, т.к., по его мнению, «классификационная система любого логического типа делает основой деления те свойства формы, которые присущи пословице, как всякому другому ло-

гическому суждению. Принципом классификации делается то общее, что объединяет пословицы с любым другим суждением. Специфика их как особого явления тут не схватывается...» [9, с. 266]. В качестве положительного момента у Пермякова Аникин отмечает разделение паремий на конкретные тематические группы, но и это разделение Г. Пермякова он квалифицирует как следование давно сложившимся традициям [9, с. 271–272].

Критические рассуждения В.П. Аникина можно было бы продолжить, однако и из приведенных высказываний, думается, ясно, что мнения двух видных специалистов в исследуемом вопросе по существу расходятся диаметрально.

Мы полагаем, что логико-семиотический метод в принципе состоятелен, но при максимальном учете специфики жанра, его поэтики и многого другого, что делает паремии именно явлением фольклора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пермяков Г.Л. От составителя // Паремиологический сборник. М., 1978. С. 8.
2. Пермяков Г.Л. О логико-семантическом плане пословиц и поговорок: к вопросу о теории жанра // Народы Азии и Африки. 1967. № 6. С. 52–68.
3. Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. М., 1968. 376 с.
4. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970. 240 с.
5. Пермяков Г.Л. К вопросу о структуре паремиологического фонда // Типологические исследования по фольклору : сб. ст. памяти В.Я. Проппа / сост. Е.М. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. М.: Наука, 1975. С. 247–274.
6. Пермяков Г.Л. О смысловой структуре и соответствующей классификации пословичных изречений // Паремиологический сборник. С. 105–135.
7. Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока. С. 26.
8. Паремиологический сборник. Пословица. Загадка : структура, смысл, текст / сост., предисл и общ ред. Г.Л. Пермякова. М.: Вост. лит., 1978. 320 с.
9. Аникин В.П. О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок // Русский фольклор: Историческая жизнь народной поэзии. Л.: Наука, 1976. Вып. XVI. С. 263–278.

Поступила в редакцию 10.10.2016 г.
Принята к печати 26.12.2016 г.